

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ И ДРЕВНЕГО РИМА

О. И. ХАНКЕВИЧ

ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКОГО СТАТУСА В АНТИЧНОСТИ

Современные исследователи связывают возникновение устойчивых моделей общественной жизни с формированием социально обусловленных правил поведения. «Вряд ли правомерно сводить государство, — замечает В. А. Якобсон, — ... к государственному механизму, его институтам и учреждениям и забывать о том, что государство это прежде всего люди, определенным образом организованный человеческий коллектив». Именно на ранних стадиях развития государственности важными являлись социально-психологические факторы, поскольку поддержание гомеостаза достигалось путем осуществления социального контроля, главным орудием которого было общественное мнение, то есть индивидуальная и социальная психология. С усложнением общественных отношений важнейшее значение приобретает организаторская функция государства, а также учет противоречивых интересов различных частей общества. Степень интериоризации поведенческих норм резко уменьшается, общественное мнение перестает быть единогласным. Именно противоречия между свободными и создает, заключает В. А. Якобсон, государство, которое оказывается полезным и для множества других целей, как внешних, так и внутренних¹.

Включенность, интегрированность человека в общество, построенного на правовом единстве, преобразует фактического человека в свободного индивида. «В понятийном плане гражданское общество, — пишет Д. В. Дождев, — это общество, интегрированное с точки зрения права». Говоря другими словами, это «система социальных связей, опосредованная правом». Гражданское общество аналитически представлено в древнеримской политико-правовой теории с точки зрения права частного. Государство же, заключает ученый, «это общество, интегрированное с точки зрения организации полити-

ческой власти, регулируемой нормами публичного права»¹. С позиций цивилизационного подхода к типологии государств за основу классификации берется прежде всего соотношение государства и личности. В соответствии с таким подходом различаются государства традиционные и современные, или конституционные. При этом следует уточнить, что ни греки, ни римляне, выработавшие в теории и на практике принципы демократического государства, не использовали термина *государство* в современном смысле этого слова. У них были обозначения форм правления (монархия, тирания, аристократия, олигархия, демократия) и общественного устройства (полис, цивитас, республика). *Полис* и *цивитас* - гражданская община с республиканской формой правления. В представлении самих римлян, *цивитас* - всякое упорядоченное человеческое сообщество (в том числе и варварское), *республика* - достоинство (дело) всех членов такого сообщества. Превосходство своей *цивитас* римляне видели как в высоких добродетелях своих граждан, так и в ее совершенном устройстве, сочетавшем законность и все лучшее, что есть в других формах правления. Обратимся к социальной и юридической картине древнеримского общества, системе его ценностей. Заметим, что подобный анализ возможен на материале как юридических установлений и правовой мысли римлян, так и исторических сочинений античных авторов.

Итак, древнеримская политико-правовая конструкция *res publico* означала, что власть является общим делом, достоинством всех граждан. Член римской гражданской общины — *civis*, участник и исходный субъект гражданско-правовых отношений. Но, чтобы быть им, надо было быть свободным человеком. Свобода (*libertas*) имела главное значение среди римских социальных ценностей. Конструкция *leges libertas que* (законы и свобода) означала конституцию Римской республики, а *libera lex* (открытый закон) - совокупность прав свободного человека. *Римское частное (гражданское) право* - в сущности, формализованная воля субъектов, определявшая характер их взаимосвязей через *lex private*. Именно в Древнем Риме впервые возникло понимание права как формы индивидуальной свободы. В той же шкале социальных ценностей очень значимой была и органическая связь положения самостоятельного хозяина с положением свободного человека, так как работавший на другого не считался полностью свободным, а получаемая им плата являлась, по словам римлян, «ценой рабства». Как замечает Е. М. Штаерман, «понятие античной свободы соответствовало именно представлению крестьянина-общинника, для которого свобода в первую очередь определялась экономической независимостью самостоятельного хозяина». Только тот, кто имел и возделывал надел, входивший в земельный фонд общины, кто был обладателем этого фонда, считался полноправным сочленом коллектива общинников, мог участвовать в решении его дел, свободно высказывать свое мнение. В рим-

ских городах только обладатель земельного надела (в этом одна из особенностей античного города) мог быть магистратом и декурионом, то есть членом городского совета (*курии*). Арендатор, прекарист, батрак, клиент фактически обязаны были подчинять свою волю и мнение землевладельцу, допустившего безземельного человека к работе на земле, заключает исследовательница. Свободные граждане составляли и основу ополченческой армии полисного государства, в котором военная служба была особой формой социального возвышения. Даже в эпоху *принципата* (I—III вв.), когда возникла уже профессиональная армия, римляне не отказались от идеи войска, состоящего из граждан. С эпохи *домината* (IV—V вв.) к службе в пограничных легионах стали активно привлекать наемников из варварских племен, но преторианские когорты, выполнявшие функции личной гвардии и административно-полицейского надзора, по-прежнему комплектовались исключительно из римских граждан.

Примечателен и античный тип идентификации и определения человека как *свободного* по его участию в публичной и политической деятельности. Девиз полисных граждан звучал так: «Жить хорошо - значит жить общественной жизнью». Греческое слово *идиот* означало человека, замкнувшегося в частной жизни и не принимающего участия в общественных делах. Именно искусство общения, умение доступно и ярко говорить (устная, вербальная коммуникация преобладала в античности) определяло лицо всякого политика того времени. И если условием социализации в буржуазных демократиях выступают труд и материальная обеспеченность, дающие человеку свободу, то в античном мире отличительным качеством свободного человека считалось, в принципе, обладание досугом. Одно и то же греческое слово *схоле* обозначало и свободное время, и интеллектуальные занятия, которыми мог заниматься только свободный человек. Отсюда через средневековое посредство и наше слово *школа*. Правда, на исходе античности досуг превратился в праздность и стал причиной нравственной деградации граждан. М. Л. Гаспаров пишет: «В Рим стекалось богатство, за богатством следовал досуг, за досугом - тоска. У дедов катулловского поколения на тоску не оставалось времени: оно шло на военные походы, на возделывание полей, на управление делами общины. <...> Теперь войну вели профессиональные солдаты, поля обрабатывали пленные рабы, а политика превращалась в борьбу за власть, в которой каждый чувствовал себя обиженным. Досуг приглашал задуматься... кто же пытался думать, тот приходил к выводу об относительности всех Ценностей». Еще более откровенно сказали об этом сами римляне: «И сенаторы, и народ днем и ночью, в праздники и будни толпятся на Форуме и заняты одним делом: давать обещания и обманывать так, чтобы не попасться; Расставлять западни, как будто все враги всех».

Помимо политического и юридического аспектов свободы существуют еще и экономические гарантии личной свободы. В мировом антиковедении аксиомой является положение о существовании в Древнем Риме развитой *частной собственности*. Сами римские юристы относили этот институт к области частного права. Они определяли собственность как абсолютное индивидуальное право лица на вещь с полномочиями отстранения несобственника и свободы отчуждения. Д. В. Дождев, автор фундаментального учебника по римскому частному праву, рассматривая вопрос о сопряженности собственности и правосубъектности, говорит: «Собственность конституирует субъекта правового общения - свободного индивида, обеспечивая ему материальную независимость»¹.

Древнеримское понятие *proprietas* восходит к латинскому *proprius* в значении «свойственный данному лицу», «лично ему присущий». Именно на этой основе византийская юриспруденция выработала термин *proprietas* (син. *dominium*) в значении *собственность*. Изначально этот институт возник в рамках римской семьи, и бином *familia pecuniaque* охватывал все имущество домовладыки - и членов семьи, и рабов, и домашний скот, и материальные вещи. *Pecunia* (от *pecus* — домашнее животное) — то имущество, которое было объектом юридических актов. Только домовладыка (*pater fami/ias*), являвшийся в рамках патриархальной семьи *persona sni iuris* (лицом своего права), имел распорядительные полномочия (*auctoritas*) по решению хозяйственных вопросов (Дигесты, !. 6. 4). Все остальные члены семьи, включая и взрослых сыновей, находились в его распорядительной власти (*potestas*) и были лицами чужого права (*personae alieni iuris*). Таким образом, римские реалии быта, зафиксированные в письменной традиции, демонстрируют изначальную структурированность древнеримского общества по линии семьи, единственным полноправным лицом в которой был ее глава. Привилегированный статус домовладыки как юридического распорядителя семейным имуществом сохраняется и в классический период (I-III вв.), то есть в эпоху принципата. Символом законной собственности являлось в республиканском Риме (V-I вв. до н. э.) копье (*hasta*), которое представлялось в *суде центумвиров* (суд ста мужей), разбиравшем дела о собственности. Поэтому жезл центумвира стал символом судебной власти в целом. Гражданская община в лице специальных магистратов - цензоров, раз в пять лет проводивших *ценз*, то есть перепись граждан и оценку их имущества, ограничивала роскошь граждан и лишние затраты. Расточавшие свое имущество лишались права собственности, а ее излишки изымались в затруднительных для республики ситуациях путем принятия специальных законов о роскоши. С конца III до середины I вв. до н. э. в Римской республике было принято семь таких законов.

Гражданская община (греч. *полис*, лат. *цивитас*) являлась структурирующим ядром античного общества. Само слово *общество* изобретено в античности — греч. *койнония*, лат. *социалитас*. Человек реализуется через правовое членство в обществе. А общество, сохраняя свойства множественности, системы социальных связей, обеспечивает правовую автономию индивидов. Полноправные граждане — господствующий класс любого древнего общества (класс в этом смысле совпадает с сословием). Именно по статусу человека и его обязанностям происходила в древности социальная стратификация. В римской *цивитас* республиканской эпохи объем гражданских привилегий и обязанностей был напрямую связан с категориями *status* и *caput*. Совокупность правовых качеств, выражавших включенность субъекта в ту или иную сферу социальной жизни, регулируемую нормами права, определяла статус лица. Гражданская правоспособность (*caput*) предполагала наличие трех статусов: *libertatis* (свободы), *civitatis* (гражданства), *familiae* (семейный статус). Подчинение семьи гражданской общине свидетельствует о существовавшей в Древнем Риме иерархии общественных статусов: с утратой статуса гражданства одновременно утрачивался и семейный статус. Современные романисты выделяют следующие критерии для определения места человека в социальной структуре древнеримской *цивитас*: возможность владеть имуществом, получать и передавать его по наследству, вступать в брак, свидетельствовать в суде, быть отпущенным на волю или подвергнутым наказанию, иметь привилегии и обязанности в различных сферах общественной жизни — политической, военной, сакральной.

Помимо собственно римских граждан среди свободных лиц выделялась и категория *латинов*, в которой существовали свои статусные градации. Например, *latini iuniani* не располагали *ius conubii* (правом на законный брак с римлянами) и не имели ни активной, ни пассивной *tetamenti factio*, то есть права завещать и получать по завещанию (Гай. Институции, I. 22-24). О них поэтому говорили: «Живут как свободные, умирают как рабы». Это обстоятельство свидетельствует о наличии дефектности в системе гражданских связей в римском обществе. С этой точки зрения небезынтересным представляется и категория *гражданской чести*. Чтобы иметь честь, нужно было быть римским гражданином; таковой не имели *пeregрины* (чужеземцы) и *рабы*. При потере статусов свободы и гражданства, уважение к гражданину утрачивалось. В римском праве было выработано и представление об *уменьшении чести* (*minutio existimationis*) по причинам, установленным законом. Сюда относятся случаи отказа свидетельствовать в суде о заключенной сделке, составления пасквиля на какого-либо гражданина, двойное обручение. *Бесчестье* (*infamia*) наступало вследствие занятия безнравственными (с точки зрения римлян) промыслами — сводничеством, проституцией, актерской про-

фессией. Последствия для *persona turpis* (лица, подвергнутого бесчестью) были достаточно суровыми: лишение права занимать общественные должности, выступать в процессе, быть опекуном (Гай. Институции, IV, 182; Дигесты, III. 2. 1-25).

Выработав представление о необходимости реализации природы добродетельного человека в общественно-политической жизни, греки и римляне сформировали и критерии понятий *добродетель*, *справедливость* (*aequitas*). Синтез человека нравственного и человека политического достигается, по их представлениям, в праве, которое воплощает принцип равного отношения к другим людям. Аристотель говорит: «Несправедливым называют как нарушающего закон, так и берущего лишнее с других, а также человека, неравно относящегося к другим людям» (Этика, V, 2). Межличностные контакты римских граждан строились на принципе *fides* (вера, доверие), которая гарантировалась в архаический период магическими и религиозными средствами: обмен тотемами, гаданиями, клятвами. Однако такие ритуальные действия с правовым эффектом опять же были доступны только римлянам и латинам, обладавшими в частноправовой сфере *ius commercii* - правом владеть имуществом и совершать с ним различные операции, вплоть до отчуждения. Отстранение *чужаков* (*hostes*) от *commercii* определяет, в сущности, общинную замкнутость римской правовой системы. В Первую Пуническую войну (III в. до н. э.) олицетворенной и обожествленной Верности на Капитолийском холме был сооружен специальный храм, в котором размещался государственный архив (здесь хранили постановления сената, тексты международных договоров, соглашения частных лиц). Жреческая коллегия, служившая при храме Верности, совершала в ее честь возлияния молоком и вином из чаши, называвшейся *spondeum*. Поэтому устная клятва при заключении частных сделок звучала в Риме так: «*Dari spondes?*» (Обещаешь дать?) - «*Spondeo!*» (Обещаю!), - после чего следовало рукопожатие контрагентов. Такая форма заключения сделки получила у римлян название *стимуляции*, а термин *sponsor* (в римском праве - *поручитель*) вошло в современную европейскую лексику. Соединение правых рук, символизировавших верность заключенному договору, часто изображалась на римских монетах. Принцип же справедливости (*bona fides*) стал нормативной основой обязательственного права в целом (Ливий. I, 21, 4; Цицерон. О старости, о дружбе, об обязанностях).

Абстрактная всеобщность права не означает, что действующее в данном обществе право распространяется на все население. Некоторые группы, например рабы, могут быть исключены из сферы действия права. Именно с позиции статуса свободы в римском обществе различались *свободные* и *рабы* (Дигесты, I. 5. 3). Анализ правового положения рабов в Римском государстве

показывает, что на протяжении всей истории его существования прослеживается четкая поляризация свободного и рабского состояний человека. В контексте данной публикации важно отметить, что возможность свободы, как и рабства, определяется наличием гражданской организации общества. Раб (*semis*) находился вне политического и гражданского общества и с точки зрения его юридического статуса был объектом права. Специфика древнеримского рабства заключалась в том, что рабы принадлежали господам на основании права *квиритской собственности*, доступной только римским гражданам. Подвластное состояние раба как лица было неразрывно связано с его *пребыванием в имуществе* (Гай. Институции, Г 54). В итоге раб был связан с гражданской общиной через семью и личность своего господина. Но правовой статус человека мог меняться, что свидетельствует о наличии в древнеримском обществе вертикальной социальной динамики, связанной с отношениями господства-подчинения. Раб мог быть отпущен на волю, а свободный - утратить свободу вследствие пленения или осуждения. Однако порабощение гражданина за долги с конца IV в. до н. э. запрещалось и кабальный должник считался в Риме юридически свободным, а вот попавший в рабство лишался защиты закона. В республиканскую эпоху раб не мог иметь ни своего имущества, ни своей семьи. В случае совершения рабом деликта, он подлежал, по законам XII таблиц, выдаче потерпевшему его господином. Последний обладал в отношении своих подвластных правом жизни и смерти (*ins vitae ac necis*) (Гай. Институции, 1.52; Дигесты, I. 6. 1). В I в. н. э. в Риме был принят закон, по которому в случае убийства господина все рабы, находившиеся в доме, приговаривались к смертной казни.

В эпоху классического права в римском обществе укрепляется представление о человеческой природе раба, то есть *de facto* признается отсутствие природных различий между свободным и рабом, что нашло отражение и в законодательстве. Хотя философ Сенека и в I в. именует рабов «потерянными и зловередными душами». Однако нанесение телесных повреждений рабу рассматривалось уже как *iniuria*. Запрещалось подвергать рабов особо жестоким наказаниям, например, отдавать на съедение диким животным, распинать. Больному рабу, брошенному господином, предоставлялись свобода и латинское гражданство (Гай. Институции, I. 53; Дигесты, I. 6. 1-2). В целях развития хозяйства и товарообмена стало практиковаться выделение рабу в самостоятельное управление некоторого имущества - *пекулия* (Дигесты, XV.

1.7). Однако по обязательствам из договоров, заключенных рабам, гражданский иск по-прежнему был невозможен: *cum servo nulla actio est* (в отношениях с рабом нет иска). Поэтому ответственность по сделкам раба с вещами, входившими в *пекулий*, падала на его господина (Дигесты, XV. 1.4). В случае отпуска господином своего раба (*манумиссии*) вольноотпущенник (*либер-*

тин) получал права латинского гражданства. Но существовала и практика *iusta manumissio*, то есть законной манумиссии, когда статус вольноотпущенника доводился до статуса римского гражданина: «Свободно то лицо, в отношении которого соблюдены три условия: чтобы он был старше тридцати лет, принадлежал господину по праву квиритов, был отпущен на волю праведным и законным способом» (Гай. Институции, I. 15-17).

Установление статуса свободнорожденного (*ingenui*) требовало особого рассмотрения. Форма государственного регулирования отношений, связанных с рабством и отпущенничеством, предполагала участие в таких процессах претора, проконсула, императорского чиновника или самого императора. Даже жалобы господ на интимные связи рабов с их женами рассматривались органами государства, о чем упоминает Септимий Север (193-211), уточняя обязанности префекта Рима (Дигесты, I. 12.5). Вольноотпущенники отличались от свободнорожденных по объему публичных прав, а в области частного права особенность их положения состояла в определенной зависимости от бывшего господина, теперь *патрона*. Либерт - *клиент* своего патрона, поэтому он не мог обвинять бывшего господина или его детей, должен был оказывать им трудовые услуги. Половина наследства либерта отходила к патрону или его детям. Такие отношения патроната-клиенты были пожизненными, и только дети вольноотпущенника достигали статуса свободнорожденного. Однако такой статус раб мог получить от императора, что достигалось предоставлением ему *права золотого кольца* (*ius anuli aurei*).

Из сказанного можно заключить, что рабы и вольноотпущенники эпохи Империи - приниженная, но интегрированная часть римского общества. В целом рабские отношения получили в Римском государстве наиболее полное раскрытие, а сословная градация здесь была намного сложнее, чем в других государствах древности. Политическая же организация государства-общины совпадала в эпоху республики с гражданским обществом. Греческий полис и римская цивитас - это «сам себя организующий народ», а выборные магистраты, избиравшиеся из числа граждан, воплощали тогда публичную власть - исполнительную, гражданскую и военную. А поскольку полноправные граждане составляли в таком государстве лишь незначительное меньшинство, они вполне могут расцениваться, по мнению Ю. В. Андреева, и как правящая элита, и как публичная власть, отделенная от основной массы - свободных переселенцев из других полисов, женщин, детей, рабов. С точки зрения социально-психологических факторов в полисном государстве сохранялась высокая степень интериоризации поведенческих норм, относящихся к гражданским правам и обязанностям. Полисное гражданское самосознание остается для нас и нормой, и недостижимым образцом. Именно оно породило античное искусство и науку, а также плеяду великих личностей, которая не имеет аналогов в истории.

Письма римских императоров к прокураторам провинций, эпиграфические данные и императорские конституции свидетельствуют о тщательности оформления акта дарования римского гражданства. В частности, в надписи из Банасы (африканская провинция Рима) говорится о том, что римское гражданство предоставляется жителям провинций только за особые заслуги перед Римским государством, главным образом, представителям варварской знати, активно сотрудничавшей с римской администрацией. Ближайшая цель такого дарования состояла в «допущении варваров к совместному почитанию римских богов». В отдаленной перспективе предполагалось создание единообразия правового положения жителей Римской империи. Это было достигнуто в 212 г. с изданием эдикта императора Каракаллы (198-217 гг.), по которому права римского гражданства были распространены на все свободное население Империи, вернее, на тех, кто подпадал под понятие *socii* и *foederati*, то есть союзников Рима (Дигесты, I. 5. 17). Некоторые категории вольноотпущенников, а также широкий круг перегринов, принадлежавших преимущественно к сельскому населению провинций (*barbari dediticii*), и после издания эдикта Каракаллы оставались вне римского гражданства. Видимо, это было связано с тем, замечает М. А. Ельницкий, что сельские жители римских провинций не были организованы в общины муниципального, то есть городского образца и поэтому не имели местных органов самоуправления. И если приобретение статуса римского гражданина в республиканскую эпоху *de iure* было связано с утратой перефинского местного гражданства, то в эпоху принципата перегрины, приобретая римское гражданство, сохраняли свои прежние общинно-гентильные права и обязанности, вытекающие из местного права. Тем самым, заключает исследователь, консервировались социальные и правовые установления различных категорий провинциальных городских общин перегринского типа с локальной автономией. Так в Римской империи возник институт *двойного гражданства*.

Выработанный в античности политико-правовой опыт повлиял на все последующие демократические государства и политические теории, поскольку это «наиболее ясные и отчетливые черты демократии вообще» (М Вебер). Сформулированные в древнем Риме на базе нравственных категорий юридические принципы широко интегрированы в современную правовую систему.

1989. № 4. С. 75-78.

Дождев Д. В. Методологические проблемы изучения римского права: индивид и гражданское общество // Вестник древней истории. 2003. № 2. С. 107-108.

Штаерман Е. М. История крестьянства в Древнем Риме. М., 1996. С. 8-10, 15.

Гаспаров М. Л. Об античной поэзии. СПб., 2000. С. 77.

Смирин В. М. Свобода раба и рабство свободного (к истории римского гражданского общества) // Вестник древней истории. 2000. № 2. С. 260-267.

истории. 1989. № 4. С. 73.

Ельницкий М. А. Новые эпиграфические данные (tabula Banasitana) и эдикт Каракаллы о римском гражданстве// Вестник древней истории. 1980. № 1. С. 167-168. 171.